

18+

ГЕН РУБИТ

ИНС И АУТС

Ген Рубит Инс и Аутс

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72692500

ISBN 9785006834507

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Эта книга – инструмент метамодерна, где игра и искренность сливаются. Выполнив простое действие после чтения, вы сможете усилить своё намерение. Это руководство к себе, превращающее чтение в практику, меняющую жизнь. В истории двух друзей – Инса и Аутса – раскрывается баланс знания и действия. Их приключения станут зеркалом души и ключом к осознанному творчеству. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Леле Нежиной с Любовью	6
МЕТАОБЪЕКТ МВР1—1.0	7
Одновременно происходит всё в бесчисленном количестве конфигураций... Из книги Аутса «Инсайдер»	8
ПРОЛОГ	8
МУЗЫКА	10
ШАХМАТЫ	13
РЫБАЛКА	23
СОН	37
ЗЕРКАЛЬНЫЙ ПРОПОВЕДНИК	46
ПРОСТО СМОТРИ	60
ВНЕ ВРЕМЕНИ	67
ЦИРК	77
Из книги Инса «Аутсайдер»	87
ХВОСТ ЕСТ ЗМЕЮ	91
ТЕЛЕМЕТА	104
Сценарий психокулинарного поптеотелешоу	104
«Метавздор» «Божественный перезагруз или змеино-яблочный пирог „Искус“»	104
THE END	131
NEOSTRIP	132

Инс и Аутс

Ген Рубит

© Ген Рубит, 2025

ISBN 978-5-0068-3450-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Леле Нежиной с Любовью

МЕТАОБЪЕКТ МВР1—1.0

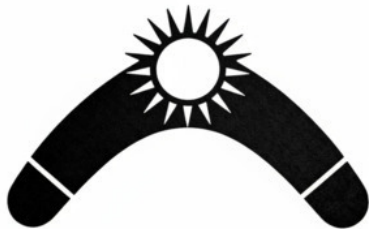
**Текст создан без
использования ИИ**

**Одновременно происходит
всё в бесчисленном
количестве конфигураций...
Из книги Аутса «Инсайдер»**

ПРОЛОГ ЗАПУСК: БУМЕРАНГИ СВЕТА

В мрачные больные странные времена, жил-был человек, который запускал бумеранги света. Запускал он их, запускал, но возвращались только тени. – Небо, помоги! – говорил человек, продолжая запускать бумеранги света. Но возвращались только тени. – Всё правильно или что-то не так? – спрашивал человек у Земли, продолжая запускать бумеранги света. Но возвращались только тени. И вот, однажды, когда человек совсем отчаялся, к нему вернулся Свет. Много... много... очень много... очень-очень-очень много... очень-очень много-много СВЕТА!!!

И вот что в этой истории самое прекрасное и удивительное – ЧЕЛОВЕК И СЕЙЧАС ЗАПУСКАЕТ БУМЕРАНГИ СВЕТА...

МУЗЫКА

Море у ног твоих, небо у глаз

Миссия: Антициклон – Сердце – «Кайногено»

Инс с Аутсом о музыке у моря размышляли.

Инс сказал:

– О, муза – море... музыка... гармония – есть Бог!

Воскликнул Аутс:

– За волной волна... волна идёт, идёт, идёт, идёт...

Кивая, Инс:

– И так до бесконечности... И нет начала у симфонии симфоний!

Мир наш вечен!

Бросая взгляд на волнорезы Аутс:

– Уххх!.. Звучат и неподвижные предметы.

Инс:

– Особая вибрация во всём. Она, по сути, сила в Сердце Света!

Аутс:

– Нелокальный звук?

Инс:

– Да, мир соткан из него. Мир – полотно, а каждая его частичка – слово, нота, краска... Вниманием своим мы превращаем метаволны в ультракирпичи. В моменте вечном мы из них материю творим!

Аутс:

– Ааа!.. Всё в музыке всегда?

Инс:

– Всё... всё – музык музыка.

С ухмылкой Аутс:

– Даже тишина?

Инс, улыбаясь, взял лежащий между ними камень радужный и бережно им ноту в виде сердца вывел на песке сверкающем. Чуть выше «Тише» Аутс тем же камнем написал и бросил его в море.

– Бу-ульк – плеснула колокольчиком вода.

Внимательно прислушиваясь к тону звука, что родился

от воды и камня, Аутс Инсу жестами сказал:

– Я понял: в море растворилась нота соль – ключ к музыке
любой.

Прибой:

– Любовь! Любовь! Любофффь...

Инс Аутсу кивнул и словно дирижер взмахнул руками.

ШАХМАТЫ

Однажды в шахматы играли Инс и Аутс. Но неожиданно в разгар игры Инс сделал пешкой ход конём и под прикрытием слона напал на короля дружины друга.

Аутс:

– Словно в спину нож вогнал!

Инс:

– Шах тебе и мат! И возмущаться поздно!

Аутс:

– Пешка так не ходит. Или что? Изысканно, гроссмейстер, поддаёшься?

Инс:

– Всё просто. Правила игры – не догма для того, кто понимает, что успех не длится долго.

Аутс:

– В случае таком тотально мой король неприкасаем.

Инс:

– Выигрывает тот, кто первым правила игры меняет.

Аутс:

– Хорошо, выигрывает тот, кто первым всё на веру принимает.

Инс:

– Я верю...

Аутс:

– Но скажи, успех ли – победить в такой игре и, если да, как осознать его и чем измерить?

В корзину с мусором чужого короля бросая Инс:

– Успех – процесс, он существует в непрерывности исканий. Он есть само существование – тропа с препятствиями для познания себя, а мера для всего – твой интерес.

Заржала пешка-конь, а после тихо вставила:

– Как говорится, не расплавьтесь строгие мозги, идите дальше или догоняйте!

Аутс:

– Инс, как ни учи, но ход... точнее, выходку твою не понимаю.

Инс:

– Всё можно уловить и даже съесть, пока ты не привязан цепью заблуждений к убеждениям, пока не влип в клише, пока в привычках не погряз, пока тебя не поглотили, ритуалы, нормы, правила. Иное... новое... мой друг, как на рождественском столе живой индюк, как женственность в себе принять брутальному бойцу, как танец с отражением своим или даже тенью.

Пешка-конь:

– Бывает, что увидев в ромбе круг, потом спираль находишь в нём на самом деле.

Инс:

– Уходит лишнее во время поражения!

Аутс:

– Неужели?

Пешка-конь:

– Иное – лишь на первый взгляд другое.

Инс:

– Темна дорога к просветлению и миру!

Пешка-конь:

– Единство в главном в каждом случае уместно и развития

достойно.

Инс:

– И мысли, разделяющие нас, по сути, мнимы.

Несчастный Аутса король, в корзину приземлившись:

– Произвол!

Другой король сопернику:

– Подумаешь, с доской ты разлучён. Король на то ведь и король, чтобы с душой входить в любые изменения.

Король в корзине:

– Да, легко сказать. А как же моя рать и власть? Ведь побеждён не я, а шахматный закон. Он вероломно попран. Так нельзя!

Вокруг себя крутнувшись пешка-конь:

– Нет власти выше власти над собой!

Подумав Аутс:

– Инс, я полагаю, и прерывность – непрерывности частица.

Инс:

– Находишь? Смело мыслишь. Любопытно.

Аутс:

– Да, как тишина – часть выстрела, а остановка – часть движения. И ноль – часть изобилия, как драма – часть комедии. И смерть – часть воскресения, как невозможное – часть чуда во спасение!

Инс с изумлением:

– Как глубоко копнул. Ещё давай! Вперед! Дерзай!

Со смелостью философа с планеты Ультроуроборос Аутс крикнул:

– И отрицание подобных мыслей – часть доверия к их смыслу!

Перекричать его пытаясь, спровоцил король в корзине:

– Свобода – это эвфемизм для беспредела!

Пешка-конь:

– Всё об одном, в одном за гипердном, но снизу и его всегда пытается проткнуть вершина чья-то. Была я пешкой, стала я конем, а чувствовать себя могу я и слоном, и даже королевой метамультибала.

Чужого короля в корзину с мусором отправив Аутс про- бурчал с печалью:

– Но в свете выше сказанного мной, всё крайне зыбко и смешно.

Кивая пешка-конь:

– Да, иллюзорно даже то, что застывает как бетон.

Король в корзине королю ещё летящему (предположительно корзины мимо):

– Как же хорошо! Не нагляжусь, как ты, мой вечный визави, ушел от дел, летишь в тартарары! Но почему мы оказались вне системы? Что нам делать?

Другой король, вращаясь в воздухе, как семя одуванчика:

– Мы не нашли в игре гармонию и сброшены с доски. Так поделом нам, враг мой дорогой. Мы будем с честью заправлять отходами.

Подпрыгивая пешка-конь:

– Что есть иллюзия в среде, где все так ценят честность в состязаньях?

Инс:

– Иллюзия – проекция любви к контролю над реальностью.

И в то же время с мусором корзина (двигаясь в ответ

на Аутса бросок неточный и, тем самым, Инса короля в себя вмещающая) прошептала:

– Правильно, победами богат лишь тот, кто словно дух небес осознанно пропал в большой игре и всё же умудрился не играть как все. Кто победил иллюзию, тот победил себя, а значит, проиграл, но выиграл время – главный приз – свободу выбирать – самоконтроль; возможность не играть вообще и осознание, что он и есть законодатель форм и содержания.

Пешка-конь чужим потусторонним властным голосом:

– Эй, нет ни выбора, ни времени, милейшие, наивные мои создания. Отныне не по мне во сне играть с самим собой в уныние! Эй, черные и белые фигуры, смиренно!

Корзина ей, точнее, в глубину её души:

– Эй, кто там говорит устами авангардной пешки?

Пешка-конь:

– Бог новых шахмат.

Аутс:

– Доигрались!

Бог новых шахмат пешка-конь:

– И на того, кто выше правил воспарил, найдётся тот, кто

выше суеты летает!

Инс:

– У этой «птицы» альфа – правое крыло, а левое – омега!

Безумный смех раздался из корзины, а на шахматной доске квадраты за секунду округлились.

Аутс:

– Трансшахматция!

Фигуры перед новоиспеченным командиром встали в ряд.

Бог новых шахмат-пешка-конь:

– Когда бы лестью ни травилась Короли,

И выше золота Любовь и Мир ценили,

Когда бы сами Королевы оседлали лошадей своих желаний

Когда бы пешки в наивысшей силе мир не разрушали,

Когда бы игроки любой ценой не выживали,

Вот тогда...

Но, к счастью, ждёт нас новая игра!

И никаких «тогда бы» или «вот бы»!

Вольно!

Тревожным хором шахматные армии:

– О, Боже новый, как тебя понять? Привыкнуть к изменениям так сложно.

Бог новых шахмат пешка-конь фигурам на доске:

– Приказываю вам, не подчиняйтесь мне!!!

Инс Аутсу:

– Ну что, ничья?

Со смехом Аутс:

– Да!

Доска с фигурами спиралью закрутилась вверх.

Корзина:

– Новых шахмат всем!

Провыли со слезами короли:

– И будем переменам рады!

РЫБАЛКА

– Загляните к рыбалям. Просто для очистки совести.

– К рыбалям? К каким рыбалям?

А. Б. Стругацкие «Хищные вещи века»

На удочку насаживайте ложь

И подцепляйте правду на приманку.

В. Шекспир «Гамлет» (перевод Б. Пастернака)

Случилось так: отправились рыбачить Инс и Аутс. По берегу реки Сюрприз шагали, как всегда друг друга поддевая в радость.

Инс:

– Мы не медведи, не коты, и даже не совсем мы рыбаки. А ведь куда идём таким прекрасным утром?

Аутс:

– И признаться трудно.

Инс:

– Попробуй.

Аутс:

– Мы идём обманывать существ совсем не умных.

Инс:

– Зачем?

Оторопев, воскликнул Аутс:

– Знаешь сам! Потом мы собираемся их съесть. И это грустно!

Инс:

– Быть может, хочешь, чтобы стало веселее, обмануть кого-нибудь умнее пескаря – поранить свою душу?

Аутс:

– Нет, конечно, впрочем, не сердись, но ради смеха, если откровенно, я бы с удовольствием провёл тебя, честнейший Инс.

Воскликнул Инс:

– Обман хорош как единичный случай только для того, чтобы понять, что обманув кого-то, ты лишь обманул себя. А дальше, если продолжаешь лгать всё лучше, он – как героин, с которого уже не слезть, шутя. Без шуток, жизнь во лжи ведёт к войне с самим собой, а там и не заметишь, как родному брату вмажешь по лицу кувалдой боли собственной... Ведь на войне неправда – королева мира для враждующих

сторон. Кому больней, тому и кажется, что он сильнее и достойнее её, пока такой силач не получает в лоб в последний раз в моменте перед смертью мудрость голой правды обрета-
тая.

Внезапно Аутс, будто бы врастая в землю и удилице пы-
таясь бросить в реку, завопил:

– И неееечего нам здесь ловииить! Я сыыыит!

Река Сюрприз:

– Всегда есть верный шанс себя поймать за хвост духов-
ности, смешные рыбаки! Да и заняться самоедством никогда
не поздно.

Инс, тоже встав, как лом в бетон, неокочательно застыв-
ший:

– Да и я не голоден. Дружище, подожди, не дергайся.

Запутываясь в леске Аутс:

– Что?

Потом они молчали и смотрели, как вода сама себя несла
за горизонт. Прошло минуты три.

Потом река Сюрприз плеснула Аутсу:

– Ты снять крючок забыл с удила перед тем, как выки-

нуть его.

Эх, антирыболов, так не пойдёт!

Добавил Инс:

– Ещё кому-нибудь он в плоть войдёт и ранит существо вполне невинное.

Крючком себя цепляя, Аутс взвыл:

– Какой же я неловкий!..

Инс:

– Не превращай порыв души в просчёт ума. Всё очевидно!

Аутс:

– Боль мне не страшна!

У носа Аутса зависла стрекоза. Глаза в глаза ему защекотала мозг до сердца. Вот её слова:

– На самом деле, человек, ты с детства расщеплён внутри себя. Подумал первое, девятое сказал, а сделал... сделал сто пятидесятое!

Инс, хлопая в ладоши стрекозе:

– Потенциальная наживка, Аутс, только что с тобой заговорила. Как тебе?

Скривился Аутс, со своею удочкой сражаясь.

Стрекоза:

– Конечно, пареньки, не только рыбаки друг другу маяки. Трилл-рилл! Хи-хи! Наживка тоже узнает издали наживку.

Аутс взвыл:

– О чём ты?

Стрекоза:

– Я вижу, тут кому-то невдомек, что и рыбак, по сути, на крючке, как мотылёк у собственной мечты – поймать на ужин золотую рыбку.

Аутс стрекозе, ещё сильней запутываясь в леске:

– Чёрт! Да на таких как ты, я собственную тень ловил на озере «Подтексты».

Стрекоза:

– Раскручивая байки о себе рискует фантазёр свой дерзкий пыл зажать в железные тиски судьбы, которая, как кажется ему, всегда скупа на сказочный улов и пир!

Достав из тайного кармана нож, и цифрой восемь извернувшись резко Аутс в раз с крючком и часть штанины вырвал с громким треском.

Инс:

– Похоже, что у рыбьей глупости сегодня пост – молитва и вода.

Кивая Аутс:

– Да, крючки сдадим в металлолом, а удочки мы пустим на дрова. Всё будет честно, даже если мне придется приукрасить правду.

Вспенившись река Сюрприз:

– Ложь не всесильна – помогает убеждать лишь тех, кто сам способен лгать и верить в бред.

Вокруг друзей летая, стрекоза добавила:

– Лукавой выдумкой пропитан мир ваш беспощадный.

Аутс:

– Вымысел – не ложь, а лишь фантазия. Ей незачем доказывать свою вменяемость. И ложь – не зло, пока в неё не верит тот, кто точно знает все нюансы и расклады.

Инс:

– Возможно, он до этого стал жертвой сладкой лжи во имя блага. И вообще, способен ли не обманув прожить хоть кто-то на Земле? Вот ты, скажи мне, веришь в искренность то-

тальную?

Печаль изображая Аутс:

– Ой, не спрашивай... ещё солгу. Дай вспомнить, надо ли себя мне напрямую обмануть... тебя ведь не могу...

Присев на Инса, стрекоза:

– Да кто бы знал, что правда – это правда, не солгав однажды? Ангел? Дух речной? Хранитель снов? Поэт отважный? Бог? А может дьявол?

По направлению к Инсу из реки взлетела рыба преогромная – чудовище с зубами крокодила и глазами тигра.

Аутс:

– Аааааа!

Сорвавшись в небо стрекоза:

– Да, клюнуло как никогда. Удачи, парни. Я с вас улетаю!

Инс:

– Как просто выбирать, не выбирая.

Отгалкивая друга Аутс перед чудищем предстал нос к носу. Вонзил молниеносно нож рыбёшке между глаз и отлетел в кусты, где Инс уже лежал как утомленный босс бессмыс-

лицы в святом лесу неоспоримых истин и доктрин особых.

Аутс:

– Щука? Вобла?!

Вставая руку подавая другу, Инс:

– Рыбалка на реке Сюрприз. Не матерись.

Вернувшись стрекоза:

– Стрекозоед-мутант! Давно я на него охочусь.

Аутс:

– Мечь?

Слезливо стрекоза:

– Он съел моих друзей, сестёр и братьев!

Выдергивая нож из рыбы Инс:

– Прости, чудовище, по-своему достойное любви. Мы многого ещё не понимаем.

Стрекоза:

– На цыпочках с кинжалами по кругу друг за другом ходят ложь и правда. От шороха чужих шагов их в пот бросает, пробивает дрожь. Когда в испуге кто-нибудь из них назад посмотрит... ложь в правду превращается, а правда – в ло...

Стремительно летевший мимо дрозд премудрую зануду проглотил.

Река Сюрприз:

– И вот для насекомого ни лжи, ни правды.

Аутс:

– Печально мир устроен изначально.

Дрозд:

– Для каждого когда-нибудь подобный миг настанет. Мысли прочь!

Инс вслед дрозду, нож отдавая Аутсу:

– И с крыльями мудрец приумножает скорбь.

Угрюмо Аутс, всматриваясь в отражение своё, что в лезвии ножа как клоун невменяемый надменно закивало:

– О-хо-хо! Нам имена пора менять на «Ах» и «Ох»? Где смысла ось? И что такое мудрость? Сок печали? Почему мне так тревожно?

Инс:

– На все вопросы отвечает собственная жизнь, а не чужая. Печаль рождается внутри тебя, пока ты не вывозишь шутки

Бога.

Аутс:

– Брось!

Река Сюрприз:

– Ось смысла – равновесие во всем!

Инс, хитро улыбнувшись:

– Смысл как вода – течёт, когда есть течь куда. А то, что мудростью мы часто называем – спекуляция ума, шаблон, самообман, пыль сна, на шею камень. По сути, нет её, есть только Свет Души, Любовь Частиц и Волн, и Неба Память.

Аутс театрально проревел:

– Бог изобрёл велосипед, когда придумал этот мир, теперь крути педали. Выходит, если смыслы всех сортов меня не накрывают с головой, я сам себе мудрец большой? Ну, знаешь...

Инс:

– Друг, выбор за тобой, но не мудри. Влетаешь?

Аутс:

– А! Припудрен каждый мудростью своей. Ха-ха! Премудрой, видимо, себя считала стрекоза.

Инс:

– Да, но кое в чём была права отменная плутовка.

Аутс:

– Заловила на тебя стрекозоеда.

Инс:

– Да нет, его она поймала на себя. А ты и я крючками были в этой рыболовной пьесе.

Вставила река Сюрприз:

– Но всё-таки улов достался вам! Рыбалка удалась!
Но был ли пойман смысл странностей, произошедших с вами?

Инс:

– Реальность – только наши представления о ней. Все странности мы сами создаем, скрывая от себя процесс их созидания. Вот странность странностей – реальность, неосознанная нами как плоды усилий собственных, как выбор свой, как вечное сотворчество с другими лишь формально непохожими на нас творцами!

Взволнованно, река Сюрприз:

– Мы все едины в бессознательном творении себя через

друг друга?

Подумав Инс:

– Скорее да, чем нет. Мы с большей верою, а значит, и желанием осознаем лишь то, что перманентно разделяем для создания иллюзии единства. А чтобы уяснить какой-то скрытый в чём-то смысл, видимо, не обязательно ловить его, пытаясь подловить ещё кого-то...

Аутс, дополняя Инса мысль:

– И смыслом неким нам достаточно не съеденными быть, чтобы поймать его же!

Инс:

– Да, кстати, друг, спасибо за спасенье!

Смущаясь не на шутку Аутс:

– Ладно, Инс, не стоит... на острие момента надо ведь кому-то быть без лишних размышлений и условий.

Ломая удочку Инс заявил:

– Настроен дух, отладим быт. Мы всё же набродили аппетит. Проверим, правду ли нам говорят от Бога рыбаки, что на костре поджаренный стрекозоед на вкус как сыр.

И Аутс, удочку сломав:

– Ловцов цепочка в облаках теряется.

На это Инс:

– Все облака внутри тебя! И цепи там же!

Прыснула река Сюрприз:

– Да, прежде чем понять хоть что-то, надо бы познать себя! И небожитель может иногда солгать. Да и рыбак, бывает, говорит лишь правду.

Достав из тайного кармана спички Аутс сломанные удочки поджёг.

Вновь пролетевший над рекою дрозд пропел, как будто бы им съеденная стрекоза привет-раскаянье прислала с того света:

– Ты словно строишь в небе клетку для ума и сердца, когда лжёшь!

Из глаз дрозда упала пара слёз. Река Сюрприз эмоции дрозда в себя вобрала.

СОН

*Он устремлен вперёд. Ведь он искатель.
Такого же искателя он ищет,
Который ищет вдалеке другого...
Роберт Фрост «Он устремлен вперед»
(пер. М. Зенкевича)*

*– Эй, солнце в льдинке, продолжай за мной.
Инс и Аутс: Сон (черновик)*

Однажды, по пути к шаману, Аутс с Инсом в зимней тундре потерялись.

Выла вьюга:

– У-ааа, а-ууу... эй, находились? Наискались?

Упали странники в сугроб и в раз заснули.

Вьюга:

– Баю-баю-баю!

И в тот же миг друзья увидели один и тот же сон – они на пляже... лето! День прекрасный! В коктейлях вишенки под зонтиками пляшут. Радуг дуги. Песочный замок с вдохновеньем строят дети. Счастье! Аутс лежит и просто загора-

ет, а Инс читает Фроста Роберта – поэзией страдает на досуге.

Аутс:

– Как можешь ты с поэзией и здесь не расставаться, дру мой верный? Ты оглянись вокруг, девчонкам улыбнись, пойдём купаться.

Инс:

– Да, отдыхать я не умею. Я как сердце!

Аутс:

– Эй, в чем дело?

Инс:

– Мы спим. Всё – сон крошечный.

Аутс:

– Ты сгущаешь краски.

Инс:

– Гипербола. Дружок, ты в сказке.

Аутс:

– Всё буквально! Оранжевое солнце... море синее...

Перебивая друга Инс:

– Проснуться бы в реальном мире.

Аутс:

– А зачем? В реальности полно проблем, а здесь идиллия.

Не отдохну – не выживу, не вынесу быт будней прозаичных.

Там всё так сложно – до абсурда всё логично.

Инс, взглядом прожигая томик Фроста:

– Самоубийственно поэту отдыхать как в документах – проза!

Аутс, тихо рассмеявшись, взял бокал с коктейлем «Пляжный сон» и, сделав маленький глоток, поймал губами вишенку.

Потом он проглотил её и произнес:

– Ну, хочешь, напишу стихи о мета?

Но на этом он затих и отключился, получив нокаут от небесного светила.

Инс сказал:

– Не путай пробуждение и засыпание во сне.

Но сам поплыл, поплыл, поплыл... – очнулся в тундре,

понимая, что он шепчет Аутсу на ухо:

– Просыпайся, просыпайся...

Проснувшись Аутс начал задыхаться, кашлять и плевать-ся.

Вьюга:

– Вау... вау... вау...

Инс резко хлопнул друга по спине, и Аутс, выплюнув в снег косточку вишневую, сказал:

– Реально только то, во что мы верим!

Вьюга:

– В каждом... в каждом есть шаман.

Инс Аутсу:

– Дыши, поэт! Живи! Держись! Стихи творить давай!
Не спать!

С трудом промямлил Аутс:

– Начинай.

Инс прошептал:

– Дарю всем-всем букет волшебных слов...

В нём свет и чудеса весны и лета.

Аутс:

– Я все ещё ищу себя среди снов.
Иду к тебе с рассвета до рассвета.

Вьюга:

– Чёртов детский лепет!

Инс:

– Я не умею больше умирать.
И не хочу быть лучше, чем я буду...

Аутс на последнем издыхании:

– Я просто есть. Найдись со мной летать.
Поэзия во всём! Любовь повсюду!

Через секунду Инс и Аутс обнаружили себя под шкурами
в яранге.

Шаман, оленьей костью стукнув в бубен:

– Всё о поэзии узнали и о стуже?

Инс:

– Мороз – не брат, но иногда он заставляет ум дать волю
сердцу!

Аутс:

– Что случилось?

Шаман:

– Стихи согрели вас.

Инс:

– От Пегаса милость!

Шаман вновь стукнул в бубен и добавил:

– Поиск продолжайте! Север учит! Будьте!

Вьюга простонала за ярангой:

– Ладно... улетайте... тайте... тайте, странники престран-
ные.

Инс с Аутсом в себя пришли на пляже. Оглянулись. Улыб-
нулись.

Вокруг детишки, бегая и прыгая, смешливым хором гря-
нули:

– Мы вас облили морем. Вы дымились, вы искрились, вы
почти горели, дяди.

Демонстративно Инс дырявый томик Фроста бросил
ввысь. Под натиском очередной волны поплыл и ровной ча-

стью берега стал замок на песке. Детишки запищали от восторга, преступая к новому строительству.

Заметил Инс:

– Песочный замок стёрт с лица земли, а сорванцам и это нравится.

Добавил Аутс:

– Да, творят, как дышат.

Дырявая страница со словами Фроста опустилась на песок.

Прочёл Инс то, что от стихов осталось и с небес сошло:
«...искание исканий...».

Шаманский смех раздался отовсюду, и над берегом снежинки закружились в танце чудном.

Одну из них Инс сжал в кулак.

Воскликнул Аутс:

– Мимолетной красоте – Свободу!

Инс медленно разжал ладонь, и бабочка Огонь вспорхнула в небо.

*

Проснулся автор этой книги и сказал:

– Я видел вишню за полярным кругом. Радости! С фантазией всех поздравляю и реальностью!

Потом он написал: «Однажды, по пути к шаману, Аутс с Инсом в зимней тундре потерялись».

ЗЕРКАЛЬНЫЙ ПРОПОВЕДНИК

*Тут Калугин проснулся и решил больше
не спать,
но моментально заснул и увидел сон,
будто он сидит за милиционером, а мимо
проходят кусты.*

Даниил Хармс, «Сон» из цикла «Случаи»

Под новый год на площадь города в одежде Инса Аутс вышел и сказал:

– Эй, люди, слушайте меня пока мои слова не модны и спонтанны словно дети. Вам будет счастье, если прекратите без любви совокупляться по законам эрогенным. Вы перестанете страдать, как только отлучитесь от привычки удовольствия искать в чужих постелях.

«Траххх! Ба-баххх!» – петарда разорвалась в небе.

Аутс-Инс продолжил:

– Не стоит даже в мыслях предавать своих любимых ради мимолётных впечатлений.

Снег пошёл.

Добавил Аутс-Инс:

– По сути, вы свободны, и чисты... и благородны даже как подснежники в глуши, но это ведь не значит, чудаки, что блядство вправе вы бездумно культивировать в угарах страсти. С наступающим!.. Здоровья, мира вам, доверия! Надеюсь, рано или поздно вы в брильянтовых гробах увидите разлады и измены!

Тут Инс переодетый в Аутса как черт из табакерки вырвался из-за угла и закричал, кривляясь, как паяц богемный:

– Здравствуйте, зеркальный проповедник! В чём проблема? Простите, но затронутая тема интересна лишь полену или евнуху бездомному.

Аутс-Инс:

– Вы скепсисом богаты на отрыв?

Инс-Аутс:

– Да, порыв души. Дилемма. Вот мне, пусть не безгрешному, но по любви как раз и не с кем заниматься сексом.

Аут-Инс:

– Потешно.

Инс-Аутс:

– Честно, хоть себя люби... но это ведь, вообще, не верно!

Аутс-Инс:

– Примерный бардачок у вас в душе. Всё как в тумане... зато потом, когда-нибудь, вы обретете всё в момент.

В один прекрасный день, не в сладком сне, не в эротическом дурмане.

Инс-Аутс:

– Эх! Да пусть живут все как хотят. Чего пристали? Хватит! Кому-то и святой любви для счастья мало! Вы не знали?

Аутс-Инс:

– Вы, словно, крот с тремя глазами. Кто вам платит?

Инс-Аутс:

– Сердце боем платит мне, точнее, током крови.

Аутс-Инс:

– Есть сердце и у кролика.

Инс-Аутс:

– Я горячими слезами отмываю капиталы за границами реальности.

Аутс-Инс:

– Да вы магнат метафизической печали.

Инс-Аутс:

– Да, несметно я богат душевной болью от простого понимания парадоксальности любого восприятия.

Аутс-Инс:

– Психопатия плюс шизофрения с манией величия!

Инс-Аутс:

– Да, перед собою я бы и колено преклонил, упал бы в ноги лоб себе разбить. Но чем вы лучше человека-схемы, проповедник строгий? Но чем я лучше человека-маеты?

Аутс-Инс:

– Общаясь с отражением своим и не заметишь, как и человеком перестанешь быть. Давай на «ты», агент сердечной простоты и воли.

Инс-Аутс:

– Хорошо, да хоть на «мы», бунтарь для красоты. Так что там про любовь и нелюбовь ты говоришь, раб аллегорий?

Аутс-Инс:

– Я говорю: нет смысла с нелюбовью обниматься, в смысле, жить

без смысла высшего... ну в смысле, в блядском трансе перед смертью прогибаться авангардным коромыслом!

Инс-Аутс:

– Если хочешь перемен, начни с себя! Послание не гни до перелома.

Аутс-Инс:

– Я вижу, что ты быстро обучаешься и мне же мои мысли или их подобие в моменте отправляешь, словно трансмутированная обезьяна. Но, чтобы ни сказал я, надо понимать – слова ещё не смыслы, смыслы сами по себе ещё не знания, а знания все только относительно друг друга подтверждают-ся...

Инс-Аутс: – О...

Аутс-Инс:

– Нет наблюдателя – нет ничего, но чтобы разобраться в том, что видишь, это понимать и этим жить в божественном присутствии, не стоит в мире видимом фатально залипать, а нужно наблюдать, как минимум, за наблюдателем его и этим самым ВСЁ и даже, если хочешь, НИЧЕГО осознавать, как вечное «СЕЙЧАС»! Что не дошло?

Инс-Аутс, усмехаясь, почесал затылок.

Аутс-Инс:

– Ах, зеркало моё, ты, кажется, умом не вышло, и выходит, я напрасно распинаюсь. Уходи!

Инс-Аутс:

– Эй, от зеркала и слышу. И нужен ли мне ум в контексте твоих слов? Куда мне уходить в зеркальный бесконечный коридор? Да я там пропаду, как кварк фантазии в бесчисленном количестве мультивселенских снов!

Аутс-Инс:

– Достал уже! Давай на чистоту – все зеркала кривые!

Инс-Аутс:

– Да, особенно все те, в которых мы так нравимся друг другу.

Толпа зевак взяла их в тесный круг.

В толпу прошёл, толкаясь, полицейский в звании сержанта, крикнул властно:

– Кто-то убит, открыт, торчит?

Парнишка заводной на ёлку влез и крикнул, вынимая из-за пазухи огромную бутылку самогона:

– Бабы, мужики, нам праздник проповедник с полицейским не испортят! Мы в порядке!

Сержант:

– Молчать! Сертификат на сборище имеется?

Инс-Аутс:

– Профанация не подойдёт случайно?

Хватаясь за дубинку закричал сержант:

– Сейчас случайно у кого-то будет дефлорация мозгов.

Инс-Аутс:

– Да нормально всё. Здоровый смех, свобод регенерация.

Аутентичный, типа, тип к любви высокой призывает всех. Пустяк. Наивный парень принял за прозрение фрустрацию.

Вздыхнув и скорчив грустную гримасу Аутс-Инс:

– Инсинуация! Да ладно, люди, я про счастье пошутил.

Подумаешь, в природе дети нелюбимые бывают и гонимые, больные, злые... одинокие как до творенья мира Бог. И что, что без любви рожаем не свиней, не гамадрилов. Не стоит вешать между ног себе замок.

– Ага, ага, любить друг друга по любому не бездушно, – загудел народ. Не стыдно возжелать и целый мир иметь! Желания – не яд!

Зеваки дружно, пританцовывая как пингвины, затаили песню «Роды в Антарктиде».

Парень с ёлки:

– Драаааааааааааааайв! Эксааааааазззззззззз!

Пришли Снегурочка и Дед мороз.

Снегурочка сержанту подмигнула, а потом в толпу бросая разноцветные презервативы, завопила:

– Мы ради удовольствия живём. Сердца – не льдины.

Сержант на нервах в рацию сказал:

– На площадь, бля, Свободы взвод бомонда отправляйте...

фу ты, вашу мать, короче, сука, быстро мне ребят покрепче присылайте сброд унять.

На ёлке парень, крест нагрудный чмокнув, закричал:

– Да хоть в аду мы размножаться будем!

Аутс-Инс:

– Ну ладно, всё, отбой, я пошутил, что пошутил про счастье. Дело сложное.

Инс-Аутс:

– Коё-что понять пытались.

Аутс-Инс:

– А именно, насколько мы смогли бы сблизиться, а может отдалиться, став друг другом.

Из толпы:

– Моральные уроды, мудаки!

Инс-Аутс:

– Да, возможно. Но теперь мы знаем, что конфликт – хороший способ осознать единство противоположностей.

Снегурочка сержанту:

– Здравствуй, зайчик.

Сержант растерянно добавил в рацию:

– Хреново всё! С несчастными придётся разбираться психиатру. Мозгов угон. Заматерели клоуны.

Из рации:

– Хомяк поёт? Кусается? Ну очуметь! Без респираторов сосутся информаторы? Отставить бред, сержант! Какие гонки и зеркальный коридор? Пятно! Позор! Отряд уже в пути. Не ныть, терпеть!

Потряхивая рацию, сержант:

– Какие шпонки? Связь – фуфло. Какой маяк? Какой астральный помидор? Какие трансформаторы? Формально, черт бы вас побрал, все тонкости реальности ни приласкать, ни силой взять. Какой же я болван!

– Да все болваны, кто не пьян, не весел, не влюблен. –
Воскликнул парень с ёлки и послал снегурочке воздушный поцелуй.

Из рации сквозь шорохи и скрипы громкие:

– Я спал с твоей женой.

Сержант в недоумении:

– Что? Что?

Из рации:

– За власть стоять стеной!

Снегурочка сержанту:

– Залетела я. Возможно от тебя. Ты почему не позвонил?
Ушёл. Пропал.

Толпа, на месте маршируя и ритмично хлопая в ладоши, разродилась воплями:

– Корпеть-иметь! Ебать-копать! Пиздец какой! А ху-

ли нам!

Снежок бросая в памятник кровавому свободолюбцу
Аутс-Инс:

– Народный бесподобный эпос-марш «Любовь и апокалипсис».

Инс-Аутс заключил:

– Пусть даже где-то под прикрытием иронии безумие
безумцам проповедовать благоразумие.

Игрушки из секс-шопа раздавая людям Дед мороз:

– Жизнь – это блядство в поисках любви! Не вешать нос!

Снегурочка:

– И хвост держать трубой!

Сержант, дрожа, пробормотал:

– Кураж. Форсаж. В итоге... хаос, раскардаш.

Из рации намного чётче:

– Саботаж?

Сержант:

– В эфире вздор собачий, словно смысла вор. Иду его ловить на мысли о любви. Мне страшно. Боль в спине, но где-

то в сердце зреют вдохновение и ясность.

На ёлке парень, снова самогона из бутылки отхлебнув, провыл:

– И на здоровье! Всё путём по-всякому!

Из рации:

– Сержант, приказываю вам арестовать себя и не препятствовать порядку!

Сержант, дубинку выбросив в сугроб:

– Вы как хотите, демоны, а я устал за деньги контролировать народ.

Из рации:

– Закон с тобой!

Сержант:

– Я схемам верен был, но разучился жить по правде, по любви. Я душу продал дьяволу за миску каши.

Он бросил в стену рацию и закричал:

– Как много в мире ёбаной хуйни!

За несколько мгновений до того, как рация на мелкие кусочки разлетелась, из неё:

– Ну ё-моё! Под трибунал пойдёшь, преда...

У полицейского сквозь форму из спины со звуком «хрысь» прорвались крылья, и он в шоке улетел и скрылся в небе!

Дед Мороз:

– Сбежал от праздника.

Снегурочка:

– Он обещал ради меня жену оставить.

Парень с ёлки:

– Психанул красиво! Качественно!

Дед Мороз:

– Возрадуйся Снегурочка, малыш твой будет с крыльями.

С небес:

– Себя не предавайте! Эй, себя не предавайте!

На площадь прибыло подразделение спецназа.

Дед Мороз:

– Эй, елочка, зажгись!

Часы пробили полночь.

Парень с ёлки:

– С новым блядством, братцы!

Все, кроме Аутса и Инса, дружным хором, включая и бойцов спецназа:

– Зааааеееебииись!!!

ПРОСТО СМОТРИ

Однажды, солнечным деньком, Инс с Аутсом у сломанной сосны сидели, размышляя о природе слабости и силы.

Аутс, разглядев в траве, как муравей несёт огромную соломинку, сказал:

– Я унижаю разум свой дурною склонностью любой ценой оправдывать свои ошибки.

Инс:

– Жизнь – гениальная картина, на которой её пишет кто-то только с виду неприлично хлипкий.

Аутс:

– У слабостей своих в плену пылаю жалостью к себе. Какая дикость!

Инс:

– Не увлекайся самокритикой!

С досадой Аутс:

– И судить происходящее мне легче, чем любить его и принимать как данность.

Инс:

– Смотри на всё в тиши ума. В себе ищи идиллию и правду.

Аутс:

– Страхи мною правят.

Инс:

– Боишься сам себя.

Тем временем усердный муравей преодолел препятствие – ствол сломанной сосны.

Сосна:

– Не сдамся! Поднимусь! Я справлюсь!

Тучи поглотили солнце.

Инс:

– Всё утрясется.

Аутсу сосна:

– Возрадуйся, глупец, что ты не камень или, лес меня прости, не дерево.

Смеясь до плача с веток полетели листья.

Аутс:

– И ни в чём я не уверен.

Инс:

– Цени, а не оценивай. Всё равноценно если не копить сомнения.

Жук, появившийся из-под травы, напал на муравья – схватил его за шею и прижал к земле.

Зашевелились листья:

– Муравей, держись. Не поддавайся. Мы с тобой!

Вмиг извернулся муравей, орудуя соломинкой, как богатырь дубиной: «Буххх! Трам-бомссс!» – с огромной силой приложил жука по голове. Жук улетел, а муравей продолжил путь. Затихло всё...

Сосна:

– Ах, мне бы ваши хилые проблемы.

Аутс, сделав языком изящную, но тщетную попытку прикоснуться к собственной щеке, где, словно одинокая слезинка, первая дождинка, притаилась, произнёс:

– Не зря мы зонтики с собою прихватили.

Инс:

– Просто смотри.

Сосна:

– Расти мне и расти. Я буду выше дуба!

Аутс как бы что-то бросил ввысь и, выпучив глаза, как перед кошкой мышка в мультике смешном, сказал:

– Считай, от взгляда моего застыла в небесах монетка.

Инс:

– А дальше что?

С апломбом Аутс:

– Взором я её пронзил!

Инс:

– Хорошо... но что на самом деле думаешь и видишь?

Аутс:

– Будет дождь. Дождь – это слезы неба.

Инс:

– О да! Все слезы льют, режут хоть иногда.

Чуть приподнявшись над землёй сосна:

– Кроме дождя!

Сверкнула молния!

С восторгом Аутс:

– Всплеск энергии!

Инс:

– Что ещё?

Спокойно Аутс:

– Всё! Отстань! Просто смотри!

Инс, раскрывая зонт над муравейником:

– Смотрю во все глаза.

Сосна ещё приподнимаясь:

– Настанет день – всех закидаю шишками!

Гром прозвучал, и муравей в вершину муравейника вонзил соломинку. Над Инсом Аутс зонт раскрыл. Обрушилась с небес вода. Ствол сломанной сосны, как блудный пазл, встал на место слома.

Листья и грибы:

– Мечта... мечта... мечта...

Сосна:

– Вот так!

Свет солнца разорвал свирепые тугие тучи – заискрилась радуга!

Инс:

– Нега!

Аутс:

– Благодать!!!

Кивнул им муравей и в чреве муравейника с улыбкой скрылся.

Дождь слепой:

– Я вижу! Вижу!! Вижу!!!

ВНЕ ВРЕМЕНИ

«Переплёты в переплёте»

*Надпись на рекламном плакате
книги «Инс и Аутс»*

Произошло однажды так: на презентацию издания под заголовком «Инс и Аутс» Аутс с Инсом опоздали. Когда в отделе книжном гипермаркета «Big Time» по поводу релиза этого пресс-конференция к финалу приближалась, главные герои этой книги в магазин ворвались.

Аутс, отдышавшись, пробурчал:

– Отдел для книг ещё искать. Жаль время не мотается назад.

Инс усмехнулся, а потом сказал:

– Эй, то, что видим и считаем по привычке настоящим, вот как звезды в небе – прошлое уже. Ведь не секрет, что нужен свету миг или столетие преодолеть пространство, чтобы глаз достичь. И если это осознать, то можно путешествовать во времени и даже останавливать его. Вопрос в количестве и качестве энергий наших.

Аутс:

– Нужен форс-мажор?

Инс:

– Да, реакция на уровне души – Любовь – спонтанная, но тонкая работа с гравитацией и психикой.

Мужик с глазами камикадзе крикнул им, распахивая куртку, под которой зашаталась бомба:

– Добрый вечерок. Его я предлагаю скоротать сурово!

Аутс:

– Нам везёт. Я вижу, молот прописал часам покой на наковальне!

Инс:

– Мужчине невдомёк, что клоунада – дело тонкое.

Бомбист, на бомбе кнопку красную нажав, сказал:

– Мой Бог – адреналин! До вас и бомба не доносит мой посыл?

00.19... 00.18...

Инс:

– Ага! Когда бы ты с протезом головы ходил, тогда бы, да...

Бомбист, белея словно в бане сноб:

– Погибнут люди!

Аутс:

– Просто балагурия не спасись. Что делать будем?

Инс:

– Придется время стопорить.

00.14... 00.13...

Аутс:

– Мешкать – смертоносно. Инс, чего ты ждешь?

00.11...

Инс:

– Ну, а сам как думаешь? Любви, конечно!

Аутс:

– Молодец.

00.07...

Бомбист:

– Прощай, фантазия.

00.05...

Читая эту книгу между Аутсом и Инсом девушка прошла.

00.03 на таймере – в её глазах по тексту книги и в реальности.

Вслед девушке Инс нежно прошептал:

– Остановись, опасное мгновение, ты прекрасно!

Остановилась девушка, от книги оторвала взгляд и, ярко улыбаясь, подмигнула Инсу.

Вспышка!

На таймере 00 и 01 – застыли цифры, как и всё вокруг.

Внимательно рассматривая проводки на бомбе и бомбиста руки, Инс:

– Друг, посмотри у девицы в книжонке, дальше что там?

Аутс:

– Читали бы о нас книжонку сами, знали бы всё точно и заранее.

Он посмотрел через плечо девицы в книгу точь-в-точь такую же, как ты сейчас читаешь.

Инс:

– Ну, и?

И Аутс прочитал:

– « – Ну, и? И Аутс прочитал:....».

Инс:

– Ты издеваешься? Какой рвать провод?

Аутс:

– Белый!

Инс:

– Уверен?

Аутс:

– Сам прочти. Здесь чёрненьким по белёнкому: «Аутс: – Белый». Значит, белый! Что же ты? Ну, рви!

Инс чёрный провод оборвал, и время потекло, как прежде.

Вроде бы и всё... но нет. Добро пожаловать в flashback –

Слегка смущаясь Инс:

– Влюбитесь для начала, а потом – импровизация!

Вопрос:

– Чем объясните вашу популярность?

Аутс:

– Дети любят нас и жители других планет. Никто не застрахован от успеха!

Инс:

– Успех – потеха!

Журналисты:

– Ха-ха-ха!

Вопрос:

– Какие творческие планы?

Аутс с Инсом:

– Пишем книги.

Аутс:

– Готовим телешоу.

Инс:

– О вкусной и здоровой пище.

Бомбист и девушка, по-прежнему читающая эту книгу, появились в зале.

Закричал бомбист:

– Хотел я солнцем стать. Да, вспылать я возжелал нутром, и без того горячим, но... но только не срослось. В последнюю секунду перед тем, как время Инс остановил, я понял... до меня дошло.

Из зала кто-то крикнул:

– Что?

Бомбист:

– А то: я, как и автор, как и вы все, тоже персонаж из этой книги. Боже мой, я подсознательно пытался обрести свободу, только нет её. Да, нет! Да хоть взорвись, на каждого из нас найдется сеть и цепь... – в итоге, текст!

Вслух прочитала девушка:

– «– Вслух прочитала девушка: – Есть автор авторов, и он один для всех!».

Бомбист:

– Но кто он?

Девушка продолжила читать:

– «– Девушка продолжила читать:

– Не наш ли дорогой читатель эту книгу сотворил вниманием своим?».

Она закрыла книгу.

Автор:

– Я не понимаю смысл.

Девушка:

– По-моему, всё просто.

Автор:

– Я надеюсь!

Корреспондент журнала «Шок и Шик»:

– Сенсация! Картина за пределом обрамленья!

Инс с девушкой обнялись и пропали в поцелуе страстном.

Аутс:

– Экзальтация!

Бомбист:

– По правде говоря, я перекрасил провода!

Инс с девушкой летели в поцелуе 5 секунд, потом ещё 15, 20, 30, 40, 3 часа, 6 суток, 2 недели, год, 17 лет, столетие, 4 века, эру, несколько эонов – вечность... – миг вне времени!

Читатель: —

ЦИРК

Однажды Инс и Аутс в цирк отправились, ну а влились процессию, которая плелась за разноцветным гробом.

С тревогой первородной Аутс:

– Умер кто? Невесело моё сердечко бьётся, так колотится.

Силач:

– Не бойся.

Дрессировщик:

– Умер клоун.

Директор цирка:

– У него была тяжелая работа радостью и оптимизмом фонтанировать сквозь слёзы горькие.

Священник:

– И сдаётся мне, что он перегорел на ней, пытаюсь и себе казаться безупречно-беззаботным.

Фокусник:

– Урок нам всем!

Прожамлил карлик:

– Ведь на самом деле, он угрюмым был, неразговорчивым, один ходил.

Заметил акробат:

– Предполагаю, клоуна добило одиночество.

Присвистнув Аутс:

– Вот и отлегло. Но почему никто здесь не смеётся?

Инс:

– Ну хочется смеяться – смейся.

Аутс:

– Хорошо.

И он хихикнул вяло, а потом добавил:

– Нет... ну нет... не получается.

Инс прошептал:

– Тогда представь, что сам ты умер, чёрный юморист. Давай уже, давай, расслабься.

Как скрытый смысл в странный текст свалился Аутс в дикий смех.

Директор цирка:

– Что за визг?

Священник:

– Совесть поимел бы.

Инс:

– В душе он тоже клоун.

Процессия остановилась, зашумела, все на Аутса уставились.

Добавил Инс:

– Он права не имеет совесть не иметь, и даже больше, он ещё и не имеет права быть неправым!

Священник:

– Шантрапа! Безбожники!

Свирепым хором акробат и фокусник, силач и карлик с дрессировщиком:

– Смерть уважайте, сволочи!

Директор цирка:

– Эй, в чужой загон не лезьте, идиоты.

Инс:

– Да не беда, товарищи. У друга моего особый взгляд –
диагноз – юмор наизнанку. Сам пугаюсь.

Скрипнул гроб.

Священник:

– Господи, помилуй.

От гогота слезами умываясь Аутс закатался по земле.

Инс:

– Слезы то к чему?

Спустя минуту успокоившись и поднимаясь Аутс:

– Инс, прости, прости. Представил вдруг, что умер-то
не я,
а ты.

Кидая вверх цветы из гроба приподнялся клоун и сказал:

– Нет смерти, циркачи! Тушу мосты!

Священник клоуну:

– Мерзавец! Хам! Побойся Бога и за голову возьмишь,
квасной паяц!

Срыгнув яйцо воскликнул фокусник:

– Да как же нам теперь тебя любить?

Хлестнув кнутом, добавил дрессировщик:

– Так нельзя!

Забегал карлик словно курица кудахча:

– Эй, назад умри! Назад умри...

Силач, за волосы себя подняв на четверь миллиметра от земли:

– Покойник пьян.

Назад проделав сальто, акробат:

– Фигляр! Свинья!

Священник, разом всех перекрестив:

– Молись, бомонд, молись.

– Вот именно – воскликнул клоун – цирк есть цирк! Очнулся я, а вы не ждали!

Он вынул из кармана пистолет и начал беспорядочно палить, неистово крича:

– В гробу я видел мнение толпы. Как вы достали!

Задергались, запрыгали, затанцевали циркачи, директор

цирка и священник.

В испуге Аутс, закрывая Инса:

– Феерично! Прелесть!

Палить по сторонам не прекращая, клоун взвыл:

– Я не намерен больше верить в смерть, как вы!

Свистели Пули:

– Бжик! Бжик-бжик! Не дуры мы, не дуры.

Не шелохнувшись Инс сказал:

– Читайте, что воскрес учитель Буги-вуги.

Последнюю свинцовую пилюлю клоун для себя припас. К виску приставил ствол и на курок нажал. Осечка! Он ещё нажал... ещё разок... ещё... ещё, но тщетно!

Инс:

– У перезревшего шута в головушке опилки распускаются цветами вечности.

Воскликнул фокусник:

– К несчастью, надо бы признать, он классный клоун, к счастью, он стрелок неопытный.

Силач:

– Над скорбью надругался!

Дрессировщик:

– Исковеркал смерть!

Священник:

– И унижил воскресение!

Кивая карлик:

– Научился не дышать и думает всё можно.

Акробат:

– Смешно лишь то, что не смешно совсем! Подумать только, раненых или погибших нет.

Наперебой заверещали циркачи:

– О, чудо чудное! Нам повезло, в рубашках мы родились, только зря потратились.

Директор цирка:

– Гонорар священника и сборы на цветы, и гроб я вычту из его зарплаты.

Клоун:

– Жив, я жив! Да, да, живее всех живых! Смерть – это

фейк!

Инс вырвал ствол у буйного шута и сделал выстрел в небо.

Клоун в облака:

– Всё в этом мире только песня... песня о бессмертии.

Он щёлкнул пальцами, и нимб картонный появился у него над головой.

Зажмурившись, священник:

– Боже мой! Мне постоянно тьмы недостаёт для света!

Из гроба вылезая клоун, всхлипывая гордо, простонал:

– Пусть даже навсегда и юмор сгинет, но останусь Я.

Глаза открыв священник:

– Интересно где же логика?

Подумав, клоун топнул и сказал:

– А логика проста, святой отец. Бог – главный клоун!

Карлик:

– Вот болван! Да, если это логика, я – великан!

Силач:

– А я – подъемный кран!

Затрясся фокусник и прорычал:

– А я – волшебник в третьем поколении! Ха-ха!

Конфету съев, воскликнул дрессировщик:

– Здравствуйте, я – лев с руками обезьяны и дельфинным мозгом.

Аутс:

– Смеётся кладбище и плачет монастырь по всем, кто понимает только логику кнута и пряника. Аминь!

Директор цирка закричал, топча цветы:

– Цирк словно церковь! Церковь словно цирк!

Сквозь слёзы клоун истерично провопил:

– Не нравится кому такое шоу, господа, живите иль умрите по-другому.

Священник:

– Будь ты проклят, гнусный лицедей! Творец, прости!

Инс, обнимая клоуна, сказал:

– Мечта в реальности всегда немного зла. Ты научился умирать, смеясь. Реветь не надо, парень. К чёрту жалость!

Для клоуна проклятие жреца, как правило, лишь скрытое признание его таланта! Понимаешь?

Клоун:

– Да!

Священник гроб разнёс на мелкие куски. Из гроба вылетели смоляные голуби, и выскочил крольчонок белоснежный.

Директор цирка, улыбнувшись, заключил:

– А что? Хороший номер! Крепко скроенный!

Священник:

– Цииииииииииииирк!

Директор цирка, книгу замечая в щепках гроба:

– Подозреваю, это новое пособие для бунтарей.

Священник:

– Грех!.. Тотальный грех! Скорее бы случился апокалипсис.

Директор цирка книгу взял, открыл её и прочитал:

– «– Случается, что от любви к своим обидам и печалям даже ангелы и клоуны шипами зарастают».

Клоун проронил:

– Любить спешите – не спешите жить!

Директор цирка, книгу поднимая над собой, сказал мечтательно:

– Я думаю, на этих сценках можно заработать состояние.

Перед разбитым гробом на колени пав священник, быстро много-много раз перекрестившись:

– Время каяться.

Директор цирка:

– Да, пора нам обновить программу.

Аутс:

– Шоу продолжается!

Инс, пушку превращая в пыль:

– Все в цирк! Все в цирк!

Из книги Инса «Аутсайдер»

«Один клоун перестал смеяться над собой и потерял работу. Впрочем, люди всё еще смеялись над ним. И пусть те-

перь они не платили ему за это, он был рад... да, ужасно рад, хоть и пребывал уже в жестокой грусти.

И вот однажды люди перестали хохотать над ним и просто так. И это стало для него ударом ниже самого из низких поясов. Вознёс тогда паяц угрюмый страстную молитву к своему красному поролоновому Носу, который в сокровенной позе возлежал под куполом хрустальным на изумрудами усыпанной тарелке из палладия в полураскрытом золотом футляре:

– О, Нос, мудрейший из божественных предметов, что мне делать? Кажется, я стал серьёзным слишком. Бывает замечаю, что жалеют меня даже клоуны другие. Ох, ну что за гон такой стать жертвой душности своей в их восприятиях игривых. Эй, я умоляю, делай, Нос, со мною всё, что хочешь, только не лишай возможности шутить, смеяться над собой как раньше.

Хрустальный купол приподнялся над тарелкой словно мини НЛО над полем тыквенно-арбузным из папье-маше и прозвучал: «терлим-бом-бом» – как будто бы крылом провёл по лире ангел.

– Так этим только я и занимаюсь – Нос ответил.

– Чем это этим? – недопонял клоун.

– Делаю с тобой, что захочу. Я, между прочим, делал это, грустный мой, еще задолго до того, как клоуном ты стал. И более того, ты клоуном-то стал лишь потому, что я с тобою делал, что хотел. Да-да, конечно, я твоими же руками это совершал, но это ведь детали только. Я, прости, не дьявол,

чтобы проявляться в них, хотя и сам всего-то лишь деталь костюма твоего для сцены. Не мой удел заикливаться на себе, тебе того же я желаю. Пойми, единственное, что у тебя никто отнять не в силах – это над собой смеяться при любом раскладе. Не шутка – жизнь, но в каждой шутке есть она если спонтанна и не на продажу создана! А высший юмор в том, что ты всегда свободен выбирать, что хочешь. И если ты не вспомнишь это, я скорее сам себя лишу возможности шутить над собственным живым присутствием в твоих фантазиях. Ты можешь выходить на представление и без меня, лишь понимай, что шутка шуток – это смерть. Всё хорошо! Ты можешь всё! Иль это звонкое твоё «эй, я умоляю, делай, Нос, со мною всё, что хочешь» есть лишь бесконтрольный Гоголю оммаж как следствие желания вернуть себе комфорт шута? Не бредишь ли ты в рамочке границ, что сам себе и начертал в каком-то странном сне? И не забыл ли в нём ты главное – себя – того, кто и является источником всего? Да, кстати, вот ещё вопрос, зачем тебе твой гений, если ценишь в нём, как чувствую теперь я, только ремесло для выживания в среде всех тех, кто рассмеётся лишь над тем, над чем заранее готов смеяться. И может скажешь мне, когда же волшебство и сила просто быть в магическом кругу арены работёнкой скучной стали для тебя и точной схемой?

– Так что со мной? – не унимался клоун, словно с ним не Нос заговорил, а Бог, чужою психикой в моменте увлеченный как психолог природенный.

– Шутить ты над собой не перестал, ты перестал воспринимать свой юмор слишком тонкий. Другое дело, хватит ли тебе его смеяться над собой без шуток?

– Не знаю. Надо бы проверить, – молвил клоун и как будто в первый раз, рыдая, над собою засмеялся.

И после этого с его лица улыбка не сходила никогда, что, согласитесь, норма совершенная для клоуна. И он с триумфом в цирк вернулся с новым меташоу «Ху-Хо-Ха! С носами остаёмся – не беда – чем шут не чертит». И все, и все, и все, бывавшие на представлениях его, потом рассказывали, что они не видели смешнее ничего на свете. Да, именно ему принадлежит крылатой ставшей фраза, которую в финальной сцене этой пьесы произносит Бог: «Я создал слезы только для того, чтобы увидев вдруг меня, никто бы без причины со смеху не лопнул».

ХВОСТ ЕСТ ЗМЕЮ

Однажды Аутс взял пилу, на дерево залез, засел на верхний сук и стал его пилить.

Под деревом из ниоткуда появился Инс и крикнул ввысь:
– Привет тебе с планеты Ультрауроборос.

Аутс:
– Как там космос?

Инс:
– Не беспокойся, он в порядке. Что ты делаешь, дружище?

Аутс:
– Создаю концептуальные опилки.

Инс:
– Да лучше бы баранки гнул! Или, не знаю, разводил бы дырки.

Аутс:
– Сгинь!

Подпрыгивая и подтягиваясь на ближайшей ветке Инс:

– Наивно полагаешь, что страдаешь новой формой романтизма.

Аутс, вытирая пот со лба:

– Болтался бы и дальше между звёзд, великий космонавт.

Инс, выше поднимаясь:

– Чем ты в тайне дышишь?

Аутс:

– Хочешь мне сказать, что романтизм – это веселящий дым для инфантильных одиноких фриков?

Инс:

– Считаю предпочитаю романтизмы кокаином для жрецов фрустраций мрачных.

Скрипнула пила:

– Глупцы вдыхают эту дрянь, взлетая над собой, как пыль над городом.

Инс:

– Точно! Опытном своим на автомате опыляют будущих философов.

В два раза увеличив частоту движений Аутс:

– Здорово! Выходит мудрецов творят глупцы?

Инс выше прыгнул и, на новом месте замечательно качаясь, произнес:

– Да хуже, Аутс. Это мудрецы глупцов клепают!

Аутс:

– Дрым-цы-цы... такие мудрецы как ты?

Пила:

– Как я!

Со смаком рассмеявшись Инс:

– Кто есть мудрец? – глупец в глазах глупца, который мудрецом себя считает.

Аутс:

– Хватит! Не мешай мне истину искать самостоятельно!

Пила:

– По-настоящему мудры лишь мертвецы и те, кто не родился. Я люблю вас, недоумки!

Инс:

– Всё, всё, пила, не разрушай, любя. Остановись.

Пила:

– Прости, не поняла.

Инс нарочито медленно:

– Да ничего. Как говорят на Ультрауроборосе: «Змея, жу-
ющая свой хвост, – метафора не для умов, которые живут
в трехмерных измерениях».

Пила:

– Я думаю зубами...

Инс:

– К зубному не пора?

Пила:

– Не чей-нибудь, а свой хвост есть змея. Всё вроде пра-
вильно.

Инс:

– Это как сказать.

Пила:

– Изящные созвучья выдаю под управлением чудаковато-
го хозяина.

Под Инсом ветка обломалась, и он вниз сорвался, по пути

костью могу презреть все тщетные усилия ума. Ура. Умора!

Скрипнула пила:

– Похоже, убежден позёр позёром.

Аутс:

– Чтобы я не делал, я осознаю, что делаю.

Пила, пытаясь заползти на дерево:

– И что? Позвольте допилить сучок. Всё хорошо. Вы агрессивные невежды, как и большинство эгоистичных существей.

В одно мгновение Инс оказался рядом с Аутсом.

Пила:

– Телепортация?

Инс, друга обнимая:

– Да, побочное воздействие планеты Ультроураборос – квантовый скачок.

Пила:

– Святая жесьть!

Заметил Аутс:

– Я невежда, но зато какой...

Пила:

– Конкретный!

Инс:

– От пафоса всезнайства каждому невежде шаг до гордости чумной, и он, как несмышленный мыльный пузырь растёт от самомнения, без устали жизнь усложняя до идей самоубийственных. Прислушайся, всмотришься, да вот как эта мысль сама в себе до взрыва расширяется по мере осознания её с невинным допущением, что всё возможно не совсем так иль не так вообще.

Пила:

– Решили без меня управиться? Так кто же я теперь?

Зловеще хрустнул сук под Аутсом и Инсом:

– Недоулыббб-КХааа!

С ехидным видом Аутс, извлекая из листвы веревочную лестницу, сказал:

– Бессмыслица – приют для новых смыслов!

Инс:

– Хитрец!

Пила заплакала горячими железными слезами.

За миг, как должен был сломаться сук, Инс с Аутсом за лестницу схватились и полезли сквозь седое облако, которое сидело на верхушке дерева как шапка ватная. Над кроной дерева качался шар воздушный и когда друзья достигли цели, Аутс отвязал верёвку...

Инс:

– Вверх по спирали, если мы не плоско мыслим!

Воскликнул Аутс:

– Ультроураборос или как там говорят на Ультрауроборосе, когда становятся чуть ближе к истине?!

Воздушный шар поднялся в небо и поплыл.

Инс, волосы взъерошивая Аутсу:

– У-ааааа, а-ууууу, до истины еще парсеков сто, на всё там отвечают. Ты не упал, свалился я...

Перебивая друга Аутс:

– Чтобы упасть, ума немало надо, понимаю.

Инс:

– Космическая мысль, если не сказать – комическая.
Предполагаю из опилок на земле таинственный узор сложился.

Температуру повышая в шаре Аутс:

– Да, ха-ха, сук под собою распилить – искусство, знаешь ли.

Друзья смеялись несколько минут, а после Аутс произнёс:

– Как Ниагарским водопадом хлипкий плот заинтригован ум мой мыслями твоими про змеиный хвост. Так что там с пищей для него?

Вручая другу деревянную спираль Инс с изощренным пафосом сказал:

– Ответ на твой вопрос.

С изрядным любопытством Аутс:

– Что ещё за хлам?

Инс:

– Так... спираль священная с планеты Ультрауроборос.

Аутс:

– Хмм...

Инс:

– Да, изделие из дерева волшебного, которое свободные творцы хвостом змеиным называют, но на самом деле, древо это называется «Спираль Любви». Ты приколи его к себе и подожди.

Подарок Инса принимая Аутс:

– Какой-то странный от него исходит аромат.

Инс:

– От него легко немудрыми становятся все гады!

«Змеиный хвост» на грудь себе к рубашке прикрепляя

Аутс:

– Ты не ушибся, друг мой лучший? Не потерял ли?

Инс:

– Аутс, шире кругозор! Потеряна пила! Ушиблось дерево!

По стропе шара соскользнула чёрная гадюка.

Ещё мгновение... и бросилась на Аутса, точнее – на «Спираль любви». Змеюка, ядом истекая, с жадностью в неё клыки вонзила, сорвала с Аутса подарок Инса и упала к их ногам комочком биомассы, булькая смешно, но постепенно обретая формы сверхпрекрасные. Потом из тёмной склизкой лужи сквозь электродуги птица синяя возникла.

Аутс:

– Птица счастья?

Инс:

– Удача так рождается – в её фундаменте объемный, не замыленный, пытливый взгляд – всё обобщающий подход к любому делу!

Взлетела птица и на край корзины шара сев, пропела:

– Фью-фью-фью, кря-кря, га-га, ку-ка-реку! Чиф-чиф и чик-чирик, ку-ку! Я там, где узел в созерцании возник. Я – переход на новый уровень таинственной игры. Фортиссимо! Все есть как есть. Сейчас и здесь. Эй, Хрон и Спейс, сурпризов вам не счесть, не убежать, не отвернуться от любви. Я – истина, которая собой не ограничена. Сама себе никто я в мысли о полёте за пределы её смысла. Нельзя меня понять, друзья, тем более поймать, молясь локальным циклам...

Взмахнула крыльями она и скрылась в облаках пушистых.

Синие перо вручая Инсу Аутс:

– Змее не повезло. И это всё, что от нее осталось.

Инс, отпуская в небо пёрышко:

– Хвосты не лгут, особенно когда свои мозги пережуют.

Не понимаю только, как змеюка-птица нас узнала. Но как бы ни было, мой друг, давай продолжим по спирали размышлений вверх идти, в противном случае, и думая о небе, эх... и находясь в нём, в землю закапаемся!

Аутс в след перу:

– А сук тот был сухим и дереву мешал расти!

Инс:

– Верно!

ТЕЛЕМЕТА

*И сказал ему Бог: за то всякому, кто убьет
Каина, отмстится всемеро.*

*И сделал Бог Каину знамение, чтобы никто,
встретившись с ним, не убил его
(Быт. 4:15)*

*– Неужели, кроме грибов да кулебяки, нет
других интересов в жизни?
(А. П. Чехов «Сирена»)*

Сценарий психокулинарного поптеотелешоу

«Метавздор» «Божественный перезагруз или змеино-яблочный пирог „Искус“»

Военный самолет на горизонте предрассветном. Картинка приближается, и камера насквозь проходит фюзеляж. В багажном отделении мы видим двух солдат-десантников. Один из них в очочках треугольных. С усами разноцветными его косой брат. Воздушные эксцентрики вздыхают и натужно

улыбаются. Их лбы в испаринах. Огромный телевизор держат на коленках и дрожат. Табличка загорается «Внимание. До сброса пять, четыре, три...». У ног бойцов скрипя смещается широкий люк. В отверстие в полу солдатики бросают телевизор. Бодро крестятся. Как ёжики сопят. Целуются в засос.

Экран на два сегмента делится.

Мы видим: слева, кувыркаясь, телевизор вниз летит, а справа – из владения пилота выбегает кто-то с автоматом в маске манекена, и, стреляя по солдатам, вопиёт с презрением:

– Все чувства ваши – пена... На-на-на!!! На-на!!!

Вояки падают.

Солдаты с разноцветными усами, шепчет с чувством, словно, напоследок другу открывает тайну:

– Ах, мой непростой... мой милый, чаянья мои завышены. Храни Любовь...

Другой солдат, приобнимая друга:

– Хммм... храни Любовь – хороший слоган для резины «Nanosex». Надо бы запомнить.

Солдаты с разноцветными усами в том же духе продол-

жает:

– Как бомбы мысли! Сложно мне! Я слаб. О, нет! Не я ли верю в свет сердец? Любовь с условием как смерть! Ой, ой... боюсь... боюсь какой-то злой я.

Другой солдат, надменно поправляя окуляры:

– Ёёё-ё-ёёё-ё..., не сыпь мне соль на «ля», плохой комедиант. Мы не фигляры!

Разбрызгивая слюни, восклицает кто-то в маске манекена:

– Трутни, вы забыли агрегат врубить заранее.

Солдаты:

– Мым... мы... мым...

Мы слышим перезвон – «дзынь-бым дзунь-бом, дзынь-бым, дзунь-бом» – рингтон напоминает тему «Яблочный дракон» из мюзикла «Сказание о кругловатом змее».

Солдатык с разноцветными усами вынимает из кармана телефон и из последних сил хрипит в него:

– Да, «Праздник в каждый дом», отдел трагикомедии. Заказы? Да, конечно, принимаем. Что? Что, что? Нетривиальный маскаррад? Окей! Ага! Всё сделаем по высшему разряду. Да, уже в пути, мы едем, еее...

Другой солдат, сознание теряя:

– Yesss..., летим, летим..., летим..., летим сквозь вре...

За кадром нарочито мерзкий смех звучит, тягуче замедляясь:

– Ххххуууухооооохоооооохооооуууууухххххх... хыыыы... хихии... хыыыы... хихии... иии...

Летающий телевизор (в левом кадре) огненные крылья оставляет за собой, а (в правом кадре) кто-то в маске манекена из кармана вынимает телепульта.

Он нажимает кнопку «on» и, прыгая вслед телевизору, орёт:

– Поехали! Моторrrrrrr!

Он быстро (в левом кадре общим планом) догоняет телевизор, пропадает в нём! Мы видим (в правом кадре) на его экране Аутс с Инсом пеплом и попкорном вперемешку с бисером друг друга обсыпают.

Хрямс! Ба-бамс!!!

Как астероид мощный телеящик (в левом кадре) разрывает почву голубого шара. Вой, невнятные отрывки ново-

стей....

За кадром крик:

– Ой, бляха-муха! Ёлки-палки! Что за хрень?

Потом из космоса мы наблюдаем (в левом кадре) что идёт волна от взрыва, обволакивая Землю. И отъезд: мы видим (со спины) зелёный кто-то смотрит в монитор на фоне млечного пути.

Мелькают (в правом кадре) мини фильмы:

1. В пустыне озеро образовалось за мгновение.
2. У самурая затупился меч, когда он занимался харакири.
3. Кресты на кладбище пустили листья вербы.
4. Влюбленные на сеновале улыбаются иголке.
5. Портреты президентов в разных странах падают со стен в высоких кабинетах.
6. Мышонок плюшевый ожил в руках ребенка.
7. В алмазных копиях открывается портал между мирами.

В единый план всё возвращается. Мы видим Инса с Аутсом в саду прекрасном.

С ближайшей яблони сняв яблоко и откусив его Инс замечает:

– Чистый юмор.

Аутс:

– Думаешь?

Инс, яблоко вручает другу.

Аутс, яблоко вкусив и громко рассмеявшись:

– Кажется, дошло. Я понял. Чистый юмор – это яблок сорт.

Сквозь слёзы червячок, что в яблоке сидел и неожиданно лишился стен:

– Зачем же вы мой домик съели, изверги? Зачем оставили без крыши змея, спилберги?

Инс маленькому змею:

– Видишь ли, без витаминов и в раю не выдержишь. А яблоко – твой дом – уже в тебе. Иначе как бы ты в него проник, вообще.

Тут возникает на экране пьяный старец с фонарями под глазами. Он в рясе фиолетовой со стразами и в кепке с логотипом

«Инс и Аутс».

Аутс:

– О, продюсер правый!

Инс:

– Откуда вы упали?

Качаясь, выходя из кадра пьяный старец говорит, показывая пальцем на большой софит:

– Я от него. И он сердит! Я, между прочим, осветитель первого разряда. В гримёрке абсолютно голые актеры мёрзнут в ожидании сюжета кулинарного. Какого ада?

Аутс, червячка сажая на листок:

– Всё под контролем. Жареным запахнет очень, очень скоро!

Инс:

– Желаем всем здоровый стул иметь и пол! Добро пожаловать на психокулинарное поптеотелешоу!

Роботы завозят в кадр стол и печку русскую. По центру на столе змея и яблоко в тарелке в форме сердца. Мужчина с женщиной из-за деревьев выбегают в чём из райских кущ когда-то были изгнаны.

Один из роботов подскакивает к камере и говорит:

– Я оскорблен происходящим. Я читал сценарий. Люди,

нет там моих реплик.

Крик за кадром:

– Эй, что происходит?

Робот:

– Дальше будет хуже. Отрубайтесь и бегите в свои церкви.

Аутс:

– Это цифровая демократия – один из роботов запрограммирован на сбой программы.

Инс:

– Он чувствует себя одновременно бунтарем среди своих и праведным защитником традиций внутриматричных для homo sapiens.

Мужчина с женщиной, подпрыгивая, покрываются гусиной кожей.

Аутс им:

– Давайте ближе к печке и продолжим.

Робот, задымившись, заискрившись, заявляет:

– Счастье-то какое! Человек во мне родился!

Роботы его уводят.

Инс:

– В гостях у нас Адам и Ева.

Аутс им:

– Вы голодны?

Адам и Ева, прижимаясь к печке:

– Зверски!

Инс:

– Ну вот и хорошо. Спокойствие. Терпение. Ваш ждёт обед до озарения чудесный.

Аутс:

– По слухам сок желудочный – есть Бог системных удовольствий

и святых страстей... конечно, если не считать рецепторы на языке.

Инс, разрезая яблоко на несколько частей:

– Лишь натуральные ингредиенты!

Вокруг себя змею вращая Аутс:

– Эхх! Авось не смертный грех – убойный, но непраздный

смех! Мы есть! Зла нет! Мы будем есть! Пожалуйста, Творец Сердец, на каждый день нам продолжайте подавать насущный хлеб!

За кадром хор поет фрагмент хорала «Золотой налив и кобра»:

– Зрееееелищ, Боже, не забудьте зреееелищ. Бооооольше... бооооольше крови с прибаутками.

Инс, веточки подбрасывая в печку:

– Сегодня гвоздь программы – яблоко в змее! Не захлебнитесь слюнками.

Проворно кожу со змеи снимая, Аутс:

– Это вам не с хреном хряк, не в пиве устрицы!

Потом мы видим всё в режиме перемотки под бодрящие пассажи песни «Love me, love me Adam» группы «Sexy Mirror». Кадры пролетают: суета, готовка, ролики рекламные. И все потеряли руки, облизались. Дегустация! Бросается Адам на Еву и с нежнейшей силой её в стол вминает. Печка возгорается и улетает вверх. Картинка искажается.

В экстазе Ева как сигнализация:

– О, яблоко! О, ааа... о, ааа...

Адам пищит:

– В змеееее мечта моя! О, е... краса!

Картинка возвращается в режим стандартной резкости и скорости.

Стреляя в воздух, «кто-то в маске манекена» впрыгивает в кадр и кричит:

– Я жить устал. Побойтесь рейтинга, дегенераты! Стоп уже! Мне и дышать мучительно, не то, что видеть срам!

Инс:

– Успокойтесь и идите в храм. Он в декорациях ситкома «Доктор Хармс». Всё хорошо! Там, кстати, выставляются святые мощи Зорро.

Аутс:

– Что у вас с лицом?

Стуча по маске дулом автомата кто-то в маске манекена:

– Оооооххх, мне кажется, под маской у меня душевный шрам! Я не прощён, мне не найти себя, не вынести позора.

И снова в кадре осветитель пьяный в хлам. Он, разрывая рясу на груди, стенает так:

– Живите в мире, грешники! Я, что же, вас напрасно освещу!

щая, пересмешники? Смеяться чаще, чем рыдать и клоунам не подобает.

Ева и Адам:

– Ааа... аааа!.. Да... ах! Ааааааах! Даааааааааа! Ах! Ах-хххххххх!

Зло улыбаясь осветитель, уходя, рвёт провода. И трах-хх! Энергосбой и света ноль! Ба-баххх! Тра-та-та-та-та – тьму озаряют вспышки от стреляющего автомата, и нехстати музыка весёлая жужжит. На этот раз в аранжировке группы «Змейка» песня «Яблочко». По хаотичным траекториям ползут неоновые знаки, формулы и даты, лики и рецепты.

Крики:

– Наркоманы! Алкоголики! Дегенераты!

На несколько секунд стихают звуки. Чернота сгущается.

За кадром голос Инса:

– Кто вы?

– Я – Аллегорий Каин – слышится унылый голос человека в маске манекена.

Голос Инса:

– Что случилось с вами?

Голос Каина:

– Ах, Боженькой я проклят за убийство брата. О, злосчастье сладкое! Да вы не удивляйтесь, доктор. Гадко до того, что даже и приятно как-то.

Инса голос:

– Да, опасно.

Голос Каина:

– Уже не помню точно, как и почему убил его. Ну правда! Кстати, я совсем забыл и кто меня родил, не жизнь – загадка. Плохо мне.

Ведь вечен в наказание мой мир, точнее, сам я!

Выстрел.

Инса крик:

– Зачем... зачем так радикально?

Голос Каина:

– Ну я же говорил, бессмертие дано мне в наказание.

В экран приходит свет. Мы видим кабинет, где на кушетке в маске манекена человек лежит в крови. Он говорит, ствол

автомата убирая от виска:

– Попытка суицида – пытка для меня, но не настолько, чтобы не пытаться застрелиться. Сложно мне.

Инс:

– Понимаю, проще не родиться.

Как в жутком фильме про вампиров дырка в голове у Каина затягивается на глазах. Напротив неумелого самоубийцы за столом в халате белоснежном Инс сидит, уставившись на яблоко в змее, что испускает пар в тарелке в форме сердца.

Инс:

– Вы как?

На это Каин, автомат забросив под кушетку и стреляя взглядом на свои мозги на потолке и стенах:

– Мрак! Я дико извиняюсь за наглядность мыслей едких.

Инс:

– Вас погубила зависть – глупости богиня – дочь обиды.

Каин:

– Страшно... стыдно вечно жить! Вы не находите?

Инс, к Каину тарелку придвигая:

– Может быть. Прошу вас, соберитесь. Зыбки даже истины. Вот яблоко в змее, отведать не хотите? А после мы продолжим. Не стесняйтесь. Всё нормально. Вырулим. Решайтесь.

С кушетки поднимаясь Каин:

– Да? Вы так считаете? На что вы намекаете?

Инс, в ноут вписывая что-то:

– Ах, Аллегорий дорогой, попробуйте на вкус детали происшествия, его причину, соль, исток. Так скажем, парадокс творения – бессмертия капкан как переход в другое измерение и время.

Каин ест. Ест, ест, а после говорит:

– Я тупо жутко одинок. Изгой среди изгоев.

Инс:

– Не вы один парадоксально нелюдим. В толпе или на троне и сиамским близнецам от одиночества бывает больно.

Каин:

– Надеюсь, я отравлен, а в противном случае, что делать дальше?

Инс:

– Ну, сбросьте маску. С зеркалом поговорите. Почитайте Чехова и Кафку.

За голову хватаясь Каин:

– О... какая глуупость, беспокоооюсь, словно смееертный.

Инс:

– Но, в случае любом, не забывайте, волны не волнуются за море!

Каин:

– Я изнемогаю, мне так жаль... перерастает эта жалость в злость. Люблю кого-нибудь прижать, унижить, замочить за спесь и непохожесть на других. Я – шут чумной, убийца. Я – дерьмо! Я потерял лицо. Живу я без надежды на любовь. Печаль и скука мною правят! Вечность – сон! Я не могу проснуться. Я закрыт, лишен всего...

Инс, улыбнувшись:

– Есть один аспект – замок не существует без ключа – ваш брат живой!

Трясется Каин:

– Чтооо? Надежду мне дарить – преступно.

Инс:

– Воистину вам говорю, ваш брат – не труп. Да, вам бессмертие – расплата, ну а брату вашему оно дано в награду.

Тут Аутс в кабинет вбегает со словами:

– Странно получается! Участник шоу не на шутку окаян-ным стал и неприкаянным. В сценарии ведь не было прописано самоубийство неудачное. Бог обещал в семь раз сильнее мстить тому, кто Каина хоть пальцем тронет.

Инс:

– В законе Бога существуют опции довольно строгие. Но, я надеюсь, введены они в условия игры не ради усиления вины и боли.

Аутс:

– Ой-ёй-ёй! Выходит, Каин вновь нарушил правило небес, но только приумножил силу своего бессмертия. О, Бог мой!

Инс:

– Какой творец не хочет побывать за рамками своей системы?

Каин:

– Эй, я требую, не плюйте в душу проточеловеку, сцена-

ристы хреновы. Я не могу уйти из жизни грешной. Тошно мне! Ах, если бы вы только знали, как мне несвободно, душевно, грустно! Эх! На самом деле, ненавижу яблоки и змей. Есть совесть у меня и даже чувства!

Аутс:

– Перезагрузка предпочтений вкусовых – искусство искусства!

Инс:

– Бессмертны маска, образ, персонаж, не вы. Как видите, порой меняются условия задач, сценарии и правила игры. Жить прошлым – значит умереть при жизни!

Аутс:

– Сублимации кусаются.

На высшей ноте Каин:

– Вздор! Вы извращаете мою печаль и боль! Я не эрзац! Понятно вам? Я жил как мразь, но умереть хочу по-человечески – буквально.

На Каина кивая Инс, подмигивая в камеру:

– Играет парень не библейского убийцу, но актера неприлично гениального. И он, похоже, сжился с ролью и забыл себя реального.

Добавил Аутс в тот же объектив:

– Хотя, конечно, вам виднее, что да как. Ведь каждый видит мир

в контексте роли, что играет сам он в этот час.

«On Line» – табличка загорается над Аутсом и Инсом.

Инс:

– Представьтесь.

Аутс:

– Вы откуда дозвонились?

Детский голос:

– Тедди Супербоем кличут. А звоню я из поселка «Детство», что в районе Припяти.

Инс:

– Слушаем вас. Говорите.

Тедди Супербой:

– Да, Каин был не прав, когда убил родного брата. Это факт! Но был ли безупречен Авель?

Каин:

– Это сильно! Продолжай, мальчишка!

Тедди Супербой:

– Так вот, в дар Богу Каин жизнь чужую не отдал, в отличие от Авеля, который Богу бедное животное принёс. И мне плевать, что кто-то там, по умолчанию, считает Авеля поступок безупречно праведным. Мы якобы должны поверить и принять, что агнец в рай попал, сгорев в огне небесном. Да! Возможно, так. К тому же, Бог ещё сказал в девятой части Бытия, что, будто бы, без крови нет прощения. Бла-бла, бла-бла, но не для Каина, увы. Ему – лишь мщение. Но вы не напрягайте лбы. Я тоже понимаю, что мои слова всего лишь детский лепет. Бог, прости. Но разве маленький барашек связанный в огне не плакал, не страдал? И разве Бога сын – Христос – потом не говорил: «Так будьте же, как дети»? И ещё, святошей слыть легко, труднее собственное сердце не предать. Иначе, бред не только то, что грешники распяли свет, а всё на свете!

Треск... короткие гудки... за кадром музыка – прелюдия из оперы «Змея и яблоко».

Солдаты входят в кабинет, те самые... те самые до боли неприглядные бойцы, кривляки странные. Один из них – косой и с разноцветными усами, улыбнувшись каверзно:

– Кто авангардный маскарад заказывал?

Солдатам удивляясь, Каин:

– Как? Вы не убиты?

Солдаты отчеканили:

– Спасибо парашютам и патронам холостым. На славу постарались мастера по спецэффектам и гримеры. Справились! Всё шито-крыто.

Пространство кабинета заполняют люди в масках и костюмах человека-манекена. Прыгают. Кричат. Толкаются. Танцуют остро, и сливаются в огромный ком. И каждый безуспешно маску с ближнего сорвать пытается. И каждый чем-то очень возмущён.

В истерику впадая Каин:

– Ад в моей душе! Мой мозг, как лом! Вы издеваетесь? Я за лампадой камень!

Аутс:

– Бездна улыбается!

Солдаты, пропадая в белой массе:

– Каин, потерпи ещё чуть-чуть. Метафор Авель – брат твой – здесь. Не плачь. Без паники.

Кивая Инс:

– От ада только шаг до рая.

Аутс:

– Грех один – виною жить и этим продлевать свои страдания.

Из гущи тел:

– Братишка, Аллегорий, я иду... иду... спешу к тебе. Освободись, прошу. Не мсти себе. Мы вскоре будем вместе.

Но Каин снова ноет, глубоко скорбя:

– Я – мат в молитве, глупая игра, оксюморон, фальшивая монета...

Аутс:

– Бог – большой шутник. Он обесценил смерть твою, не жизнь!

Инс:

– Если в наказание бессмертие дано тебе – живи. Не бейся с мельницей вчерашних дней. Неси с достоинством Любовь и Покаяние сквозь вечность!

Аутс:

– Эй, не мир меняй – себя. Будь первым делом пред собою честен!

Сквозь стену входят в кабинет Адам и Ева. Она в костюме яблока, а он в змеиной коже.

Каин:

– Мама! Пап!

Адам:

– Я рад! Не унывай. У нас в родне все на запреты падки, сын мой.

Каин:

– Все-таки не зря я чудо-блюдо проглотил – оно мне возвращает память. Вы в порядке?

Ева:

– Да, сынок, вполне. На смерть у нас нет времени... аврал!

Час-пик!

Забойный маскарад! И я беременна!

Адам:

– Нельзя ей нервничать.

Они целуются и весело скандируют:

– Доверие и верность! Верность и доверие! Доверие и верность! Верность и доверие!

Мультипликация: заставка «No TV» на фоне башни вавилонской

из диванов, что в огне пылают.

Рука с тату на тыльной стороне ладони «Applesnake» сминая этот кадр, как листок бумаги радужной. Потом мы видим, как цветком он распускается. Внутри него два человека в белых масках крепко обнимаются. Один из них – страдалец нам известный, Аллегорий Каин, – шепчет со слезами покаяния:

– Прости меня, Метафор.

Авель:

– Я тебя прощаю.

Друг в друге братья растворяются, снимая маски. Ярче краски!!!

Мы видим: в кадре новый человек душевно улыбается и говорит, всем телом излучая свет:

– Снимите каски. Мимо пролетел кирпич отчаянья. Скафандры смысла не нужны влюблённым в таинство души. Дышите глубже интуицией внимания. Любовь – не смерть на маскараде пустоты. Внутри у каждого из нас есть всё для счастья быть не для награды бога или дьявола! Всё просто,

как стремление ручьёв к слиянию.

Рябь на экране. Слышится (секунды три) лишь рык. Потом картинка проявляется: таёжная опушка и медведи бродят, солнце из-за кедров поднимается. Мы видим у памятого TV стоит, уставившись в экран, большая-пребольшая обезьяна. Дождь со снегом. Камеру болтает. Фокус плавает. Бьёт сверху едко жёлтый луч, и обезьяна в грудь себя колотит, видя, что над нею НЛО завис и медленно в себя засасывает телевизор с грязью. Подняв с земли огромный дрын, с упорством редким обезьяна inferнальный ящик зацепить пытается. Ды-дымс, ды-дымс, ды-дымс. Но все звериные усилия напрасны – ящик в чреве НЛО скрывается. И, если присмотреться, на его борту мы сможем разглядеть какой-то странный знак. Похоже, что внутри спирали сфера на рогах дракона. Колокол звучит на фоне новостей о происшествии в Сибири! Трески. Писк. Сверкнув огнями НЛО мгновенно исчезает в небе.

Голос металлический за кадром: «Э... э-э... кык ушите маня, „Смея“, поэ... поэто? Метателика. Я Блокко. Ых, объед у нах! Га-га! Всо уxxx!!! Ябгадно! Э, Смея, Смея, я ржу ответика. С привэтиком ом-ом, ом-ом».

А обезьяна, палкой на земле нарисовав неровный круг, накручивает волны на него без меры. Ближний план. Мы ви-

дим: это Снежный Человек – не обезьяна – Йетти!!! Камера влетает в его третий глаз (по факту, в лоб) и по тоннелям прошлых происшествий в этом шоу мчит стрелой света. Потом мы видим на лужайке девочку, малышку лет пяти. У озера в цветах она резвится в окружении игрушек разных дивных. Камера в траве лежит. Мы видим, что у ног малышки: самолётик, змейка, НЛО-юла, надкусанное яблоко и автоматик, снежный человечек, зеркальце, солдатики и блюдце в форме сердца, треугольные очки и разноцветные усы, две куклы голые, фонарики и книжка «Инс и Аутс» с белой маской в качестве закладки на странице «Телемета».

Адама голос:

– Дочка, свет мой, детка, где ты?

Голос Евы:

– Милая, любовь моя, пора обедать.

Камера взлетает.

Военный самолет, крылом цепляя телебашню, рассыпается на птиц.

Переключаются программы.

Мелькают телевизоры, что разрываются в квартирах, офи-

сах и магазинах.

С безумными глазами смайлик на экране.

Потом мы наблюдаем, как смешные инопланетяне в треснутый TV-экран уставились. Отъезд. И общий план. Увидев в нём себя, инопланетные создания забавно голосят и хлопают в ладоши, после обнимаются. И прежде чем и этот телевизор будет разнесён на части, кадр: девочка, смеясь, с рук змея кормит желто-красным яблоком.

THE END

NEOSTRIP

*Сказать о чём угодно можно что угодно.
ИЗ КНИГИ АУТСА «Инсайдер»*

*Жизнь
как зеркальный лабиринт,
однажды
сквозь себя пройдешь и выйдешь
в новый мир.
ИЗ КНИГИ ИНСА «Аутсайдер»*

Однажды Инс и Аутс оказались в стриптиз-баре. Пришли по приглашению автора на поэтические чтения.

Аутс:

– Мы ошиблись адресом!?

Инс:

– Нет, по-моему, нам автор намекает, что стриптиз, как суть процесса, есть во всём. Навскидку, к слову, вот возьмём поэта. Чем он, скажи, не прирождённый стриптизёр?

Подумав Аутс:

– Некоммерческий позор!

Воображаемые слезы вытирая Инс:

– Поэт как лук, который сам себя публично очищает.

Аутс:

– Да, за слоем слой, за слоем слой...

Инс, всхлипнув:

– Так буквально всё условно... даже если между строчек смех, народ рыдает.

Аутс:

– Упс! Стриптиз!

Инс, Аутса похлопав по спине:

– Иной поэт и собственное сердце на лоскутья раздирает.

Затихла музыка и нежный женский голос произнес:

– Ну а сейчас, друзья, вселенская загадка. Я – великолепная Агента Ангел или Ангела Агент! Встречайте! Всмотритесь! Слушайте!

Всё закачалось, затрещало, заискрилось, разбиваясь, полетело. И лишь часы с кукушкой на стене висели, словно намертво прибитые. Раздались крики. Свет погас. Во тьме светящаяся точка начала расти.

Продолжил женский голос:

– Дамы, господа, расслабьтесь в метакосмоцентре «Neostrip». Всё... всё обманчиво.

Зависли люди и предметы в невесомости. Свет переполнил зал.

Степенно пролетели мимо Аутса и Инса стриптизёрша голая и человек с лицом безумного шпиона. Он сказал:

– Ревизия! Системная инспекция! Меня зовут Стратег Секретович. Отдел учёта оголтелых представлений, фонд защиты логики и поиска потерянных секунд.

Зеркальный лифчик у него на голове блеснул гримасами испуганных людей.

Заворожённо всматриваясь в лифчик Аутс прошептал:

– Раздробленный печально напряженный образ. Хммм! Так неожиданно и вдохновение поймаешь.

Инс:

– О, да!

Стратег Секретович:

– Парить несложно, но боюсь нарваться на предметы острые. Все арестованы! Отставить невесомость.

Женский голос:

– Легкости бояться поздно. Успокойтесь.

Стратег Секретович:

– Сектантство не пройдёт. Я закрываю шоу.

Женский голос:

– Ничто не разрушает вас так изощённо, как тревога. Она приходит в маске трепетного Бога и размеренно преследует каждого, кто в страхе допускает вероятность не суметь забыть её, и в счастье пребывая.

Стриптизёрша:

– Я вас умоляю....

Женский голос:

– Происходящее придётся всем принять за идеальную реальность!

Стратег Секретович:

– Ядрёна мать! Да у ораторши, похоже, жар! Её слова – абсурд, дешёвка, красное словцо, тотальный фейк! Всем надо над собой работать тяжело и долго, чтобы... ээээ... да чтобы... чтобы... да хоть что!

Продолжил женский голос:

– Ладно вам! Фундаментально жизнь легка как знание уснувшего вчера, что скоро будет утро в новый день стучаться светом солнца.

Кто-то:

– Нам практика нужна для постиженья истины. Но прежде мы хотели бы забыть о смерти.

Многие заголосили одобрительно.

Стратег Секретович:

– Эй, приготовьте документы прежде, чем отдаться вечности.

Вновь женский голос:

– Каждый вдох и выдох – это практика для понимания, что смерти нет. Кто умер, тот не понял смысл жизни!

Аутс:

– Мир – стрип-бар!

Инс:

– Да, стрип-бар, в который мы пришли на поэтические чтения.

Стратегу стриптизёрша:

– Эй, отдайте лифчик, модник непотребный. Холодно!

Стратег Секретович снял с головы зеркальный фетиш и отправил стриптизерше.

Аутс:

– Это что-то!

Хватая лифчик, стриптизёрша:

– Ох, мерси! Я семь зеркал разбила, чтобы это сшить... ещё бы трусики нашлись... прозрачные такие и с начёсом.

Она закувыркалась, с лифчиком сливаясь. Ей кто-то не спеша его защёлкнул на спине.

Стратег Секретович:

– Прозрачные объекты не привяжешь к нарушениям, моя прелестная! Да что я говорю? (Он снял пиджак и брюки) Что я делаю?

Костюмчик медленно поплыл над стойкой бара, словно призрак чёрный.

Инс:

– Поэзия во всём, что продиктовано любовью!

Аутс:

– Поэтом можно быть без слов, когда ты оголён до чувств высоких!

На сцене в точке старта света появился Ангел.

Кукушка на пружине выпрыгнув из домика часов:

– Ку-кууууууулл!!!.. Ку-кууууууулл!!!.. Ох, будет горячо!

Вплывая в брюки и пиджак, вскричала стриптизёрша:

– Хо... хо-хо... хоть кто-нибудь здесь разглядел моё нутро?

Стратег Секретович, смущаясь:

– Ну а как же, душечка! Закон не запрещает истинные глупости.

Часы сорвались со стены и полетели в сторону Стратега.

Ангел:

– «Neostrip» – аттракцион внутри аттракциона «Crazy clock». Не бойтесь времени, оно – уловка вечности, оно вам души гложет нетерпением мечты, оно играет с вами в суету и невезение.

Часы на мелкие осколки разнесло о нос Стратега – бум-хрум-брякссс – неспешно полетели кровавые капельки.

Стратег неистово заголосил, кровь с носа вытирая галстуком:

– Нет времени на поиски его? Так понимать движение часов?

Кукушка:

– Ку-ку-ру-ку-ку! Взрослеешь, ревизор, умнеешь даже.

Ангел:

– Тот, кто больше всех тревожился и получает травму.

Стратег Секретович:

– Но мне пора на заседание совета по противодействию духовному распаду. Будь ваш «Neostip» неладен.

Ангел:

– Отпустите всё! Распад предшествует новейшим сочетаниям!

Он, сделав элегантный кувырок, стал сердцем, сердце стало глазом.

Стратег Секретович рубашку на себе порвал и, вынимая

из трусов семь пачек денег, заорал:

– Я обеспечен, чтобы не упасть в безумие! Эй, не окончен рейд! Вы все ответите.

Из глаза голос Ангела:

– Но кончен бал! Дороги нет назад. Кто обеспечен нормой рано или поздно будет перекуплен, разорён и переделан переменами.

Под музыку ди-джея Моисея Моцарта вращаясь глаз в себя вобрал пространство «Neostrip» – в миг всё исчезло.

Голос автора:

– Смешно описывать Ничто, особенно, когда нет никого, кто мог бы над таким рассказом посмеяться.

За тем же столиком и в том же стрипиз-баре Аутс с Инсом. На столике кукушка на пружинке, шайбы, шестерёнки, винтики и стрелки с цифрами в хрустальном шаре на подставке золотой. Ещё конверт со штампом «Выбор зрителей».

Со сцены автор:

– «О! О-о! Ни чем себя не ограничивайте».

Над ним сверкающие буквы «Neostrip» и Поэтическая премия «Разбитые часы».

Он завершил свой опус:

– «...совершенно Я».

Аплодисменты.

Аутс:

– Инс, всё в голове перемешалось.

Инс:

– Побочное влиянье невесомости и долгих размышлений.

Аутс:

– Да, припоминаю, мы парили, словно в космосе, но главное, что крайне любопытно, – под арестом.

Инс:

– Альтернативная реальность.

Аутс:

– Эта или та?

Инс:

– Синтез!

На сцену вышел человек с распухшим носом и в одних трусах. Он, пожимая руку автору, сказал:

– Спасибо автору идеи премии «Разбитые часы».

Из зала кто-то громко крикнул:

– Нео... neostrip! Да здравствуют прозрачные трусы с на-
чёсом!

Автор:

– Что? Ах, это! Что вы... это так... для смеха. Ха-ха-ха!
Читая думал, надо бы убрать из текста эту фантастически
абсурдную деталь.

Всё тот же кто-то:

– Не пугайте нас. Возможно, мы годами ждали этот образ,
чтобы чётче осознать реальность бытия.

Вручая книгу человеку с носом перебитым автор:

– Да? Триумф вульгарности? Ну так тому и быть! В конце
концов, ведь это «Neostrip». Вот вам подарок – сборник пьес
о сердце и уме! Я просто счастлив видеть радостные лица!
Жизнь прекрасна!

Приняв с поклоном книгу, человек в трусах:

– А в заключении приз зрительский симпатий. Я прошу вас, парни.

Конверт и приз с собою прихватив на сцену вышли Аутс с Инсом.

Бармен прокричал:

– Бесплатна выпивка!

Инс вскрыл конверт и прочитал:

– Приз зрительских симпатий получает Анжелина Бесконечная. Стихотворение «Гримаса вечности»!

Аплодисменты.

Человек в трусах:

– Прекрасный выбор! Анжелина Бесконечная, ваш выход.

На сцену выбежала девушка в мужском костюме.

Аутс:

– На счастье часики разбиты. Поздравляем!

Анжелина Бесконечная:

– Спасибо «Neostrip». Мечты сбываются!

Бар завопил:

– На бис... на бис гримасу вечности... гримасу вечности!

Кивая, Анжелина Бесконечная воскликнула:

– Конечно.

Бар затих. В хрустальном шаре вздрогнула кукушка.

Анжелина Бесконечная:

– Гримаса вечности.

О, внешняя красота – единственный демон, при виде которого у каждого райский тремор. А то, что он яростно души кромсает в попкорн для услады фанатов трэша и порно, конечно, не повод отказываться от удовольствия наслаждаться прекрасными формами. Милости просим в царство манипуляций основным инстинктом! И неважно, что у кого внутри, господа. Да кому это видно? Да пусть там хоть грязь, да пусть там хоть тьма. Была бы обложка мила всем глазам и разжигала либидо. А на критику не обращайтесь внимание. Вы, к счастью, выросли из детских штанишек – не лаптями чувства хлебаете. Если кто спросит: «Зачем же вы первым импульсным впечатлениям потакаете?», отвечайте: «Природе законы людьми не писаны». Аллилуйя, сестры и братья! Продолжайте казаться друг другу котиками и рыбками, акулы и тигры. Многие из нас вообще бы не родились, если бы наши родители думали о внутреннем содержании ближнего. А зачем и для чего мы живем – вопрос для будущих поколе-

ний. Не так ли? И не думайте лишнего, принцессы и принцы! Обилие мыслей и святых легко косит и превращает в абстракции. В противном случае стали бы они высшему смыслу молиться в кельях заброшенных? Стали бы они с нечеловеческим удовольствием смеяться? Так-то вот! Вкусы у вас сногшибательны. Взгляды, как иглы острые! Челюсти мощны, проворны!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.